

Е. Н. Степанов

Предпосылки создания одесской русской речевой нормы на рубеже XIX–XX вв.

В статье выдвинута концепция создания в конце XIX — в начале XX вв. на базе одесского городского койне одесской русской речевой нормы, приводится ряд свидетельств, подтверждающих эту концепцию.

Ключевые слова: социолингвистика, урбанолингвистика, история русского литературного языка, речевая норма, городское койне, одессика.

Понятие нормы в языкознании известно давно. В XX в. оно получило теоретическое обоснование и стало изучаться в разных аспектах. Особенно обстоятельное изучение языковой нормы наблюдается в русском, чешском и немецком языкознании с конца 1920-х до конца 1970-х гг. Значительный вклад в разработку теории нормы, в изучение природы и признаков языковой нормы внесли Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, Д. Н. Ушаков, Е. С. Истрина, В. В. Виноградов, В. Г. Костомаров, В. Г. Гак, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф, К. С. Горбачевич и другие учёные [8: 36–52; 27: 337–338]. Понятие нормы в лингвистике, как правило, связывают с функционированием литературного языка и определяют её как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации. Однако норма является атрибутом не только языкового ядра, литературного языка. Наличие нормы характерно для любого периферийного идиома: диалекта, аргю, койне и других. По определению К. С. Горбачевича, "норма — это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и её эволюции" [8: 46]. При этом некоторые языковые явления могут объективно существовать в весьма ограниченном ареале функционирования определённого языка, быть социально одобренными жителями этого ареала и отражать закономерности языковой системы и её эволюции (например, акцентуационные, лексико-семантические, словообразовательные явления). Оценка фактов языка не является долговременной константой, поскольку следует за узусом.

Природа языковых норм одинакова и в литературном языке, и в диалектах, аргю, других языковых образованиях, поскольку главное, благодаря чему появляется феномен языковой нормы, — это наличие у говорящих "языкового идеала" [23: 37]. По мнению Р. И. Аванесова, в диалектной речи, как и в литературном языке, понятие нормы не сводится только к допустимому и недопустимому, но связано и с зависимостью от коммуникативной заданности речи [1: 10]. Диалектологи утверждают, что норму, основу любого территориального диалекта составляют средства обиходно-бытового общения [3: 20]. Диалектная норма отличается от литературной большей проникаемостью и избыточной вариантностью [4: 331–333], ослабленной императивностью и недостаточной осознанностью [35: 85–86]. Периферийными в диалектах оказываются народно-поэтическая и публичная речь.

В лингвистической традиции основу речи горожан определяют по-разному: как **городское просторечие** (*просторечие демократических масс города; "низовую" городскую речь; "мещанские говоры"*) [7: 478–482; 21: 178, 185, 187; 33: 37], **городской диалект** [34: 91–92], **полудиалект** [10: 300 и др.; 3: 35], **городское койне** [3: 35; 6: 230; 5: 52], **городское аргю** [21: 187]. На наш взгляд, наиболее удачным является термин **городское койне**.

В урбанолингвистике традиционно отмечают смешанный характер любого городского койне. В одних случаях это языковое образование, возникшее на основе смешения нескольких диалектов одного языка (например, киевское городское койне в Древней Руси, московское городское койне в эпоху усиления Московского государства), в других — одного или нескольких диалектов с литературным языком (многие городские койне нового и новейшего времени), в третьих — обычно на основе смешения нескольких диалектов, литературного языка и иноязычного ад-

страта (в новых городах колониального типа). Городскими койне третьего типа на базе русского языка можно считать петербургское и одесское койне. Одной из задач современной урбанолингвистики является исследование механизмов формирования норм городского койне, изучение закономерностей соотношения этих норм с нормами литературного языка и диалектов, которые являются базовыми при создании койне, определение степени стабильности норм городского койне и путей влияния городских койне на литературный язык.

В данной статье мы пытаемся представить своё видение произносительной нормативной вариативности в русском языке конца XIX — начала XX вв., путей и способов влияния городского койне на русскую речь в условиях Одессы.

Двойственная природа городского койне, возникающего в зоне пересечения литературного языка, территориальных и социальных диалектов, диктует двойственный характер нормы койне. Так, нормы городского койне обладают рядом признаков, характерных для литературного языка [8: 43–48]. В обоих языковых образованиях нормативными признаются наиболее частотные речевые варианты, в литературной речи и в койне наблюдается консерватизм языкового идеала, обе нормы ориентируются на авторитетные источники и принцип коммуникативной целесообразности, обе они обладают признаками как объективности, так и оценочности. В то же время, конкретизация названных признаков в литературном языке и городском койне имеет определённые расхождения, поскольку языковые идеалы значительной части жителей того или иного города в большей или меньшей степени расходятся с языковыми идеалами, зафиксированными литературной нормой. Особенно заметны такие несоответствия в обиходно-бытовом общении (а именно оно диктует нормы территориальных диалектов) и профессионально-корпоративном общении (оно каузирует нормы профессиональных и корпоративных аргю, то есть профессиональных и социальных диалектов). В структуре современных общенародных языков городские койне находятся на функциональной периферии, однако неоднократно в разное время они становились основой литературных языков. "Литературные языки генетически связаны с городом" [20: 189]. Не является исключением и современный русский литературный язык. Традиционно фонетические, лексические, грамматические и стилистические нормы русского языка считают во многом ориентированными на городское просторечие Москвы и Петербурга XVIII — XIX вв. [7: 49–54; 18: 8–10, 112–116; 13: 646–702]. Более точным источником формирования названных норм, по нашему мнению, являются московское и петербургское городские койне той эпохи, близкие к просторечию, но включающие в себя также и элементы общеразговорной, художественной, деловой, научной русской речи.

Структура городского койне не конгруэнтна ни структуре литературного языка, ни структуре общенародного языка. Думается, что литературный язык как подсистема общенародного языка не имеет функционального ядра и периферии, являясь полифункциональным идиомом. Современное же городское койне — не только полифункциональный идиом, а, по аналогии с общенародным языком, имеет ядро и периферию.

Среди русскоязычных койне трёх крупнейших городов дореволюционной России — Петербурга, Москвы и Одессы — городское койне Одессы вызывало и вызывает наиболее противоречивые отклики русской интеллигенции, в частности, писателей (с одной стороны, например, И. Бунин, Н. Гумилёв, с другой — К. Паустовский, Л. Никулин). Так, Н. Гумилёв, ехавший в 1913 г. в Африку через Одессу, в "Африканском дневнике" раздражённо высказался в адрес одесситов и их речи, которой, по его наблюдениям, изъяснялись почти все коренные жители: "И говор, специфически-одесский говор, с изменёнными ударениями, с неверным употреблением падежей, с какими-то новыми и противными словечками. Кажется, что в этом говоре яснее всего сказывается психология Одессы, её детски-наивная вера во всемогущество хитрости, её экзатическая жажда успеха" [9: 165–166]. А. И. Куприн на страницах рассказа "Белая акация" ставит в прямую зависимость от настроения неодессита его критическое отношение к одесситам и особенностям их речи. Когда герою плохо, его раздражают одесситы, которые "всё знают и всё умеют", которые высказываются "на их ужасном одесском жаргоне" [19: 475–476]. Русская речь одесситов и ментальность, отражающаяся в этой речи, восхищают К.Г.Паустовского. Писатель реалистически воспринимает эти феномены. Его одинаково завораживают "перлы одесского стиля" [26: 178] и "новейший набор одесских острот, клятв и проклятий" [26: 5].

Известно, что большинство этнических русских, переселявшихся в середине и во второй половине XIX в. в Одессу и на территорию нынешней Одесской области, были носителями южнорусских диалектов [16: 3]. Следовательно, среди русскоязычных одесситов в XIX в., когда формировалось и активно развивалось одесское койне, преобладал языковой идеал носителей диалектов южновеликорусского наречия. Этот языковой идеал в значительной степени поддерживался украиноязычными маргиналами, переходившими на социально мелиоративный в городе русский язык. Ряд фонетических, лексических, грамматических особенностей украинского языка совпадает с особенностями южнорусских диалектов. Кроме того, в условиях контактирования акающих и окающих русских говоров в речи горожан ускорялось действие активных внутриязыковых процессов, таких, как замена оканья аканьем, смягчение согласных перед [е] в иноязычных словах, унификация некоторых грамматических форм [3: 40–41; 17: 106–107, 132] как в сторону совпадения с литературной нормой (утрата диалектных падежных окончаний, архаичных временных форм и др.), так и несовпадения с ней (перемещение ударения в формах женского рода прошедшего времени глаголов с окончания на основу под влиянием форм мужского рода: бра́ла, взя́ла, спа́ла, да́ла и т. д.; замена "есть"-конструкций "иметь"-конструкциями и др.). Из воспоминаний Л. О. Утёсова мы узнаём, что одна из одесских рабочих окраин — Слободка-Романовка — в XIX — начале XX вв. была окающим локусом компактного проживания этнических русских: "На Слободке живут Ивановы, Петровы, Антоновы. <...> Слободские разговаривают на "о"..." [32: 15]. Беседы со 172 коренными этническими русскими жителями Слободки, проведённые нами в 1999 — 2002 гг. с помощью одного из участковых врачей-терапевтов, свидетельствуют о том, что процесс перехода от оканья к аканью среди этнических русских одесской Слободки-Романовки завершён.

Немногочисленные фундаментальные исследования русистов в области урбанолингвистики редко обходят молчанием одесское койне, называя его одесским "низовым" говором [21: 185–186], просторечием низовых масс города, "низовой" городской речью [7: 478–482], народно-разговорной речью города [25: 5–11], одесским местечковым дискурсом [14: 641–642]. Симптоматично, что В. В. Виноградов, изучая в начале 1930-х годов вопрос о сосуществовании норм литературного языка и городского просторечия, выбрал для иллюстрации почти исключительно одесский материал — работу профессора Одесского Ришельевского лицея К. П. Зеленецкого и словарь В. Долопчева [15; 11]. Думается, что В. В. Виноградов ощущал большую регулярность нормы одесского койне среди одесситов, её консерватизм в сравнении с регулярностью использования норм ленинградского койне среди ленинградцев и московского — среди москвичей. Кроме того, учёного поражало значительное отличие норм русской речи одесситов от норм русского литературного языка.

В XIX — начале XX вв. среди коренных одесситов уже бытовало мнение о правильности своей речи и чёткое осознание её отличий от литературной нормы. В упоминавшемся рассказе А. И. Куприна находим: "...Она [жена-одесситка. — Е. С.] на мои поправки гордо отвечает, что одесский жаргон имеет такое же право на существование, как и русский" [19: 475]. В XIX в. для обозначения одесского койне на бытовом и популярном уровнях утвердился квазитермин "одесский язык" [12], традиция использования которого в Одессе сохраняется в XX — XXI вв. [19: 472; 32: 121, 193, 453–454; 31; 28]. На рубеже XIX — XX вв. одесситы часто сознательно ставили понятие "одесский язык" в один ряд с понятиями "русский язык", "еврейский язык", "польский язык" и т. д. В социальном плане такая позиция горожан отражала созревание в тот период центробежных тенденций развития российского общества, в лингвистическом — создание самостоятельной одесской русской речевой нормы.

Признание академической наукой вариантов нормы русского литературного языка традиционно требует наличия не только собственно языковых факторов, но и факторов этногеосоциальных и политических. К началу XX в. Одесса была экономически и социально самодостаточным большим городом. Специфика фонетических, лексических и грамматических норм русской речи Одессы была общепризнанной в Российской империи, а этногеографические особенности города — очевидными. Однако Одессе недоставало внутривосточной исключительности: Одесса, в отличие от Петербурга и Москвы, никогда не была административной столицей России; русская речь её коренных жителей, в том числе ассимилированных нерусских, которая была и

сегодня остаётся главным средством общения горожан [29], не имела геополитического основания стать нормативной базой русского литературного языка, в отличие от речи столичных жителей.

С конца XIX в. наблюдается внедрение особенных черт русской речи одесситов в русскую речь других регионов Российской империи, а затем и СССР [30: 246–247; 24: 103, 155, 395 и др.; 22: 284, 319]. Процесс имплантации одессизмов в жаргонизированную разговорную речь, общеупотребительное просторечие, а часто и в литературный русский язык в конце XIX — первой половине XX вв. поддерживался мощным влиянием литераторов и журналистов-одесситов, создавших "юго-западную литературную школу" в стране в 1900-е — 1930-е годы [2: 113]. Вспоминая о творческом духе Одессы и о творческой молодёжи 1920-х, Л. О. Утёсов пишет: "...Мальчишки, создавшие, как принято было тогда говорить, "одесский период" нашей литературы" [32: 6]. Кроме того, следует учитывать миграционные процессы XX века, вызванные войнами и репрессиями, а также послевоенным промышленным и транспортным строительством. Например, в конце XX — начале XXI вв. в управлении всех дальневосточных и черноморских портов и пароходств можно встретить одесситов, приехавших туда по распределению после окончания воднохозяйственных вузов города в советскую эпоху.

Исследование процессов формирования в Одессе как типичном колониальном городе норм общего для представителей разных этнических групп языкового средства общения приводит к следующим **выводам**:

- 1) в конце XIX в. основным средством общения одесситов было одесское городское койне, сформировавшееся на базе русского языка при сильном влиянии иноязычных адстратов основных нерусских этносов города (украинцев, греков, евреев, поляков, итальянцев и некоторых других); основной социальной группой носителей этого языкового кода (одесского городского койне) были одесские мещане;
- 2) к началу XX в. за счёт устранения широкой речевой вариативности сформировалась относительно устойчивая норма одесского городского койне, позволившая носителям русского языка легко отличать русскую речь коренных одесситов от речи коренных жителей других больших городов и регионов Российской империи;
- 3) уже в XIX в. литераторы Одессы начинают использовать нормы одесского городского койне как символ социальной солидарности одесситов, а также как один из приёмов экспликации оппозиции "свой — чужой" ("одессит — неодессит");
- 4) имплантация норм одесского койне в жаргонизированную русскую разговорную речь, общеупотребительное просторечие и литературный язык на рубеже XIX — XX вв. и позже свидетельствует о реальном существовании в русском языке этого периода наряду с некоторыми другими одесской речевой нормы — нормы городского койне экономической, научной и культурной столицы юга страны;
- 5) одесская русская речевая норма не была признана академической наукой, видимо, лишь потому, что Одесса никогда не была государственной столицей и региональные нормы речи её жителей не имели реальной возможности стать нормативной базой русского литературного языка.

1. Аванесов Р. И. и др. Вопросы теории лингвистической географии. — М., 1962.
2. Александров Р. (Розенбойм А.Ю.) Исхоженные детством. — Одесса, 2000.
3. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. (К проблеме соотношения языка и диалекта). — Саратов, 1967.
4. Баранникова Л. И. К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта // Вопросы социальной лингвистики. — Л., 1969.
5. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. — М., 2001.
6. Виноградов В. А. Койне // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX веков. — Изд. 3-е. — М., 1982.
8. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978.
9. Гумилёв Н. С. Африканский дневник / Золотое сердце России: Сочинения. — Кишинёв, 1990.
10. Гухман М. М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития национальных языков: Труды Ин-та языкознания АН СССР. — М., 1960. — Т. IX (10).
11. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России). — Одесса, 1886; Варшава, 1909.
12. Дорошевич В. М. Одесский язык // Вечерняя Одесса. — 1987. — 1 апреля.

13. Елистратов В. С. Евразийский Рим или апология московского мещанства / Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь. — М., 1997.
14. Елистратов В. С. Арго и культура / Словарь русского арго (материалы 1980—1990-х гг.). — М., 2000.
15. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае. — Одесса, 1855.
16. Карпенко Ю. А. Введение // Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х т. — Одесса, 2000. — Т. 1.
17. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. — М., 1999.
18. Колесов В. В. Язык города. — М., 1991.
19. Курприн А. И. Белая акация / Собр. соч.: В 9-ти т. — М., 1972. — Т. 5.
20. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / История русского языка и общее языкознание (избранные работы). — М., 1977.
21. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Там же.
22. Максимов Б. Б. Фильтруй базар: Словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. — Магнитогорск, 2002.
23. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — М., 2000.
24. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2001.
25. Осипов Б. И. О термине "народно-разговорная речь города" // Городская разговорная речь и проблемы её изучения: Межвуз. сб. научн. трудов. — Омск, 1997. — Вып. 1.
26. Паустовский К. Г. Время больших ожиданий. — Одесса, 1961.
27. Семенюк Н. Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
28. Смирнов В. П. Большой полутолковый словарь одесского языка. — Одесса, 2003.
29. Степанов С. Мовна ситуація в Одесі напередодні 2000 року // Четвертий міжнародний конгрес українців: Доповіді та повідомлення. Південь України. Одеса. — Одеса, 1999.
30. Степанов С. М. Етапи функціонування одеського російськомовного койне // Записки з загальної лінгвістики. — Одеса, 2002. — Вып. 5.
31. Стецюченко А., Осташко А. Самоучитель полуживого одесского языка с комментариями, дополнениями, толковым словарём. — М., 1999.
32. Утёсов Л. О. Спасибо, сердце!: воспоминания, встречи, раздумья. — М., 1976.
33. Филли Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка // Вопросы языкознания. — М., 1966. — № 4.
34. Ярцева В. Н. Об изменении диалектной базы английского национального литературного языка // Вопросы социальной лингвистики. — Л., 1969.
35. Havránek V. Studie o spisovném jazyce. — Praha, 1963.

Є. М. Степанов

ПЕРЕДУМОВИ СТВОРЕННЯ ОДЕСЬКОЇ РОСІЙСЬКОЇ МОВЛЕННЕВОЇ НОРМИ НА МЕЖІ ХІХ—ХХ СТ. СТ.

У статті висунуто концепцію створення наприкінці ХІХ — на початку ХХ ст.ст. на базі одеського міського койне одеської російської мовленнєвої норми, наведено ряд свідчень, що підтверджують цю концепцію.

Ключові слова: соціолінгвістика, урбанолінгвістика, історія російської літературної мови, мовленнєва норма, міське койне, одесика.

Ye. N. Stepanov

THE REASONS OF CREATION OF ODESSA RUSSIAN SPEECH NORM AT THE TURN OF THE XX CENTURY

In the article the conception of creation of the Odessa Russian speech norm on the basis of Odessa urban contact vernacular at the turn of the XX century is advanced. Several evidences which verify this conception is adduced by author here also.

Keywords: sociolinguistics, urbanolinguistics, history of the Russian literary language, language standard, urban contact vernacular, odessics.